
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Александр Сосновский. «ГЕСС». Тайный план Черчилля. СПб.: Питер, 2023. — 224 с. — (Серия «Питер покет»).

Рейхсминистр и наци № 3 Рудольф Гесс (1894–1987), заместитель фюрера в НСДАП и его ближайший друг, в 1941 году совершил полет в Англию, предположительно, с целью убедить британцев заключить мир с нацистской Германией, но был арестован и помещен в тюрьму, а по окончании войны передан Международному военному трибуналу. Гесс вошел в список 24 главных обвиняемых на Нюрнбергском процессе. Был признан виновным по двум из четырех пунктов обвинения и приговорен к пожизненному заключению, которое отбывал в тюрьме Шпандау в Западном Берлине более сорока лет... Его полет, встречи в Лондоне, сорок лет одиночной камеры и непонятная смерть — убийство, самоубийство? — до сих остаются одной из неразгаданных тайн большой политики прошлого столетия. Неоднократные попытки добиться освобождения Гесса грозили серьезными разоблачениями, поэтому сообщение о самоубийстве узника в 1987 году оставило много вопросов. Сын Гесса был убежден, что отец не покончил с собой, а стал жертвой британской спецслужбы МИ-6. В одном из интервью он сообщил, что после смерти отца отдал его труп в Мюнхенский институт судебной медицины на повторное вскрытие. Независимая экспертиза показала, что сначала Гесса удушили, а потом уже подвесили на шнуре от электрической лампы. На протяжении многих лет журналист и политолог Александр Сосновский собирал све-

дения об этой загадочной истории. Он был знаком и тесно общался с сыном Рудольфа Гесса, с личным санитаром Гесса Абдуллой и бывшим сотрудником ЦРУ, директором тюрьмы, где содержался Гесс. Все они выступают в книге, которую можно назвать документально-приключенческим детективом, под своими именами. Расследование ведет журналист Роман (alter ego автора книги), которого в поиски секретных стенограмм бесед Черчилля и Гесса втягивает директор тюрьмы. Директор, ставший за время заключения Гесса другом своего подопечного, уверен, что ключ к разгадке смерти Гесса содержится в этих документах. С точки зрения инициатора расследования, службам, заинтересованным в сокрытии фактов, в первую очередь МИ-6, будет трудно помешать Роману, ибо он — еврей с немецким паспортом, журналист, специализирующийся на истории холокоста, — находится под защитой соответствующих общественных институтов. Однако все идет не гладко. Будет и одна жертва — репортер «желтой» газеты, которому удалось добыть и передать Роману микропленки стенограмм бесед Гесса и Черчилля. Действие перемещается в пространстве и во времени. Скачет, нарушая последовательность, то в 1941 год, то в 1991-й, то в 1987-й, то в 1944-й. Берлин, Лондон, Цюрих, Ставка Сталина. Сущностными персонажами книги являются Сталин, Черчилль, Гитлер. Чувствуется, что обстановка их кабинетов, их одежда, привычки, манера поведения воспроизводятся с документальной точностью. Книга, выросшая из киносценария, сделанного А. Сосновским по совету директора концерна «Мосфильм» К. Шахназарова, сохраняет динамизм, зрелищность, движение, заложенные в первоначальном варианте. Много диалогов. В предисловии к книге К. Шахназаров пишет: «Несмотря на то что о войне написано огромное количество книг и исследований, еще остаются страницы ее истории, которые так и не получили окончательной оценки. Различные архивы продолжают хранить документы под грифом особой секретности, и многие факты и события все еще не раскрыты. Один из таких вопросов — возможное тайное соглашение Гитлера с Великобританией в 1941 году о прекращении налетов на Великобританию в обмен на отказ Черчилля от открытия второго фронта. В этом случае Англия могла бы сохранить колонии и влияние на Западную Европу, а Германия имела бы возможность за несколько месяцев уничтожить СССР и получить его территорию и ресурсы. Эта история полна тайн». А. Сосновский убежден, что на самом деле посланник Гитлера с англичанами договорился, и это доказывается всем ходом дальнейших событий Второй мировой войны и поведением Англии в войне. Он дает свою версию тайной встречи Черчилля с Гессом и разговора британского премьера с нацистским бонзой. Сосновский полагает, что записи разговоров были и, вероятно, они еще не уничтожены. На фоне сегодняшних событий сведения, изложенные в них, становятся вполне актуальными. Именно поэтому открытие этих архивов, которое должно было состояться в 2013 году, в итоге отложили до 2045-го. Возможно, что спустя, как минимум, век после окончания Второй мировой войны тема уже окончательно потеряет свою прежнюю остроту.

Александр Жданов. Пока туман не рассеялся. Волгоград: Перископ-Волга, 2021. — 216 с.

Пятнадцать историй, романтических, военных, мистических. «Четыре узла книги — Совесть, Любовь, Память, История. Хотя кто станет утверждать, что одно существует без другого, что границы между ними тверды и незыблемы? Здесь, как в жизни, одно перетекает в другое, все переплетается, сростается друг с другом. И все теряется в тумане», — пишет в предисловии поэт, писатель, художник Александр Жданов. Сюжетную конструкцию своих рассказов он строит жестко, выверенно, искусно нанизывая на

нее многослойный, многозначный текст, где некоторая недосказанность в финалах будит фантазию читателя. В этих рассказах отражена современная жизнь в ее обыденных и нравственных проявлениях. Истории, картины до боли знакомые. Водитель катафалка, образец для подражания на службе — его лицо смотрело с рекламных проспектов, любимец нового директора, — был убит, когда случайно узнал, как директор зарабатывает на усопших («Белая шляпа»). Умиравшая деревня в рассказах «Болеро Равеля», «И хлынул ливень», «Из лета в осень». Давно уж нет моря васильков в поле ржи, на их месте — заброшенные ровные площадки с торчащей из земли арматурой: собрались что-то построить, да бросили. Разрушается клуб, где когда-то выступал местный вокальный ансамбль «Серебряные росы». В ходе оптимизации системы здравоохранения закрыты фельдшерские пункты, и деревенские жители по каждому поводу звонят в областной центр, откуда уже идет заявка на станцию «Скорой помощи». Одиноким старики, местные пьяницы, кровавые разборки, двое детей на всю деревню, добирающиеся в школу до дальнего селения на автобусе... А жизнь идет... Животрепещуще звучит в рассказах тема войны. Не может герой рассказа «Горсть земли» (рассказа автобиографического) провезти через российскую таможню в русскую Прибалтику полиэтиленовый мешок с землей из Керчи. Эту землю, взятую с мест, где в Великую Отечественную войну погиб, не дожив до двадцатилетия, его дядя, он хотел положить на могилу матери и бабушки. Но на провоз земли нет документов. Обыденно выглядит беседа ветерана, пришедшего просить деньги на лечение умирающей внучки, и ответственного чиновника. Все возможно при условии, если часть денег перейдет чиновнику. Ветеран, увещая: «Мы Родину отстояли...» А в ответ: «Отстояли? А зачем? Чтобы сейчас от побежденных гуманитарку получать? Небось, и вы в очереди стоите и радуетесь, если побольше унесете! Где же ваша гордость и хваленая память о погибших?! Ведь и внучку в Германию везти намерены — не куда-нибудь еще! — и вдогонку — Ишь, медалки свои нацепил. Специально, чтобы меня усовестить? Много вас ходит, просителей» («Любимая медаль»). Пронзительны военные сюжеты: маленькая девочка с перевязанной рукой рыдает в сталинградском подвале над раненым мишкой; ветеран, что не стал продавать свои медали, чтобы достать деньги на лечение внучки; русский и немец за самогонкой вспоминают, не зная языков, без переводчика, Сталинградскую битву, где стояли друг против друга; эвакуированный мальчик, боявшийся страшных людей на деревянных платформах с четырьмя подшипниками, узнает в одном из них своего отца. А. Жданов, обращаясь к прошлому, находит болевые точки современности. В недавно освобожденном от фашистов прибалтийском городке накануне 1 Мая дети приходят с молотками на кладбище, чтобы по указанию директора школы разрушить памятник «милитаризму и империализму», уничтожить чуждый символ — мраморного рыцаря. На приказ подать пример, контуженный фронтовик возражает: «Пример чего? Я с камнями не воевал». Но ощущая под взглядом директрисы липкий страх, какого не испытывал на фронте, берет лом. В школе он больше не работал («Посмотри, как он сверкает»). Автор искусно сочетает в рамках одного рассказа или повести разные временные пласты. Судьба скульптора Ольги, героини рассказа «Отвези меня в подвал», убедительна в разные времена. В советское время она создала немногословный военный памятник, посвященный не столь мужеству воина, сколько женскому горю. Установленный в сквере небольшого города, он претерпел изменения: вопреки ее мнению был заключен в нелепую ротонду. Ей объяснили, что товар, за которой ей заплатили, перешел в собственность мэрии, а собственник поступает, как считает нужным. Потом она выполняла заказы от родственников и друзей тех, кто погиб в борьбе за собственность. Потом из-за равнодушия безликих исполнителей лишилась мастерской, возможности создать портрет, вернее, образ воплощающий поэзию. Три среза времени изображены в повести «Всадник, имеющий меру», действие

которой происходит в Тильзите: Семилетняя война времен Елизаветы Петровны, Первая мировая война, наши дни. Судьбы героев разных времен фатально переплетены. Исторические реалии дополняются мистикой. Все рассказы, так или иначе, связаны с балтийскими берегами, где на калининградской земле живет писатель, чье детство прошло в Баку. В то же время его герои обитают во взбаламученном мире и не привязаны к месту, кочуют по ближнему зарубежью, выезжают в дальнее, есть и отзвук Донбасса. Значимым для автора является разговор подруг о том, кто они на этой прибалтийской земле: выросли на брусчатке и под черепицей, видели купола только в кино да в книжках («Отвези меня в подвал»). Для А. Жданова органично обращение к знакомым литературным сюжетам и героям. Так, герой рассказа «Белая шляпа», эстет и философ, примером для подражания в одежде выбрал автора единственной прочитанной им книги, чью фотографию увидел на обложке книги, — угадывается и книга, «Сто лет одиночества», и ее автор. Желая избежать скандала, способного испортить ему репутацию, преуспевающий психолог в духе новеллы Цвейга «Страх» проводит жестокий психологический эксперимент над изменяющей ему женой («Воспитание по Цвейгу»). Герои Жданова, большие и маленькие, решают нравственные проблемы. Украсть скрипку у подружки, чтобы покататься на мопеде? Спасти умирающую старуху или приберечь единственную чудодейственную ампулу для других больных? В рассказах Жданова, нравственно заряженных — и удивительно поэтичных, как в зеркале, отражаются наши современники, их проблемы, судьбы, мечтания. Рассказы не оставляют ощущения безнадежности благодаря светлому началу в людях, выступающих против бездушия и жестокости. Ведь забрав по горстке крымской земли из полиэтиленового пакета, пассажиры, переехав границу, вновь наполнили мешок крымской землей. Ведь не всегда взрослые правы, говорит сыну, пришедшему после расправы с памятником, отец. Ведь находят общий язык с чужаком художником жители северной деревни, а его ночные видения позволяют спасти мальчика.

**Елизавета Южакова. Графические миры Василия Владимировича:
Из истории русского модерна. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2021. — 264 с.; ил.**

Елизавета Южакова возвращает в современное культурное пространство творчество русского и советского художника-живописца, графика, иллюстратора первой трети XX века Василия Васильевича Владимировича (1880–1931). Соученик Бориса Бугаева (Андрея Белого) в гимназии и Московском университете, Владимиров принадлежал к художественному кругу, стоявшему у истоков русского символизма. И когда московские символисты из объединения «Аргонавты» инициировали издание первой книги А. Блока «Стихи о Прекрасной даме» (М.: Гриф, 1904), то именно В. Владимиров оформил ее обложку. В. Владимиров разрабатывал темы и мотивы, характерные для раннего и зрелого модерна, он, один из немногих символистов, работавших исключительно в графике, стоял у истоков возрождения оригинальной станковой гравюры. Благодаря его усилиям начиная с 1912 года выставки Московского товарищества художников, где он состоял с 1902-го по 1919 год, имели отдельный раздел печатной графики. Е. Южакова выделяет три периода в его творчестве, стилистическая направленность каждого из которых обусловлена интересами и обстоятельствами жизни художника: московский ранний (1899–1905), московский после учебы в Мюнхене (1907–1917) и ленинградский (1920-е гг.). Каждому из периодов посвящена отдельная глава. Свой творческий путь художник начинал с близких неоромантической традиции акварелей на темы допетровской истории и русских сказок. В стиле модерна ил-

люстрировал сборники А. Белого и А. Блока. Во время путешествий по Русскому Северу делал этнографические зарисовки, усердно зарисовывал национальные костюмы. Национальную тему продолжил развивать в росписях храма и часовни в имении Знаменское-Губайлово (Московская область). В 1904–1907 годах учился мастерству гравюры в Мюнхенской академии художеств. Увлёкся Дюрером, работами старых мастеров. В 1906–1916 годах в своем творчестве он следовал общей логике развития русского искусства от неоромантической направленности к модерну и символизму, причем не только в стилевом ключе, но и в концептуальном. Он сам создавал своеобразные мифы, метафоры, символические образы. Например, танцовщицы в работах, где художник стремился изобразить танец, движение, музыку. Мотив танца, действия он продолжил разрабатывать в серии «Маскарад», обратился к сюжетам на евангельские темы. В иллюстрациях к сказке датского писателя К. Эвальда «Туман» (журнал «Северное сияние») ему удалось сделать осязаемым фантастический образ тумана, передать звучание падающих капель, проливного дождя. В этом же журнале В. Владимиров проиллюстрировал сказки А. Ремизова. Появление многочисленных журналов в эпоху символизма и модерна вызвало расцвет русской печатной и станковой графики. В. Владимиров, владевший различными техниками графики, способный добиваться нужных эффектов, не обращаясь к живописи, был востребован. Активно он участвовал и в художественной жизни Москвы. В начале 1920-х годов художник, обосновавшийся было в Полтавской губернии, перебрался в Петроград, где стал работать в области детской книжной иллюстрации. В 1920-е годы ленинградское книгоиздание во многом благодаря Маршаку, собравшему плеяду писателей и иллюстраторов, переживало расцвет детской книги. Владимиров сотрудничал с издательствами «Радуга» и «Госиздат», а также с детским журналом «Воробей»/«Новый Робинзон», иллюстрировал произведения Б. Житкова, Д. Четверикова, Е. Васильевой, В. Короленко... Кардинально изменилась тематика его работ: электрификация, паровозы для одноименной книги Житкова (В. Владимиров детально изучал реальные паровозы), почти документальные этнографические зарисовки к книге о Миклухо-Маклае. Е. Южакова воссоздает биографию художника, главным ключом к которой, по ее мнению, являются мемуары А. Белого. Она детально анализирует теоретические, живописные и графические работы В. Владимирова, эволюцию его стиля, его стилистические приемы, их своеобразие. Она указывает, что с самого начала работы мастера приобрели главную черту, характерную для всей последующей манеры его работы в книжной графике: его стилистика подчинялась содержанию литературного произведения. Вписывая творчество своего героя в контекст эпохи, автор сопоставляет его творчество с работами его современников: Васнецова, Врубеля, Билибина, Рериха, Нестерова. И очень ярко, увлеченно пишет о стилистических взаимосвязях неоромантизма, модерна и символизма в конце XIX — начале XX века, об особенностях национального варианта стиля модерн, а также конструктивизма и мирискусничества в книжной графике 1920-х годов. Наследие художника разрознено. В Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и Русском музее хранится его станковая графика конца 1900-х — начала 1910-х годов, в Вологодской картинной галерее в основном акварели конца 1800-х — начала 1900-х, выполненные на дереве работы — в Центральном музее связи имени А. Попова, многое — в частных коллекциях. В книге представлен список всех известных автору произведений художника — выявлено 274 работы. В книге — 106 иллюстраций. Приводятся целиком и сопровождаются комментарием три статьи художника: «Святой художник Фра Беато Анджелико» (1908), «По поводу художественных выставок в Москве» (1909), «Истинно новое в русском церковном искусстве (новый храм Марфо-Мариинской обители в Москве)» (1912). Дана хроника жизни Владимирова.

Август Боцци Гранвилл. Санкт-Петербург: Дневник путешествия в столицу России и обратно; через Фландрию, рейнские провинции, Пруссию, Россию, Польшу, Силезию, Саксонию, государства Германского союза и Францию. Отв. ред. В. Барышников; под науч. ред. Д. Раскина; пер. с англ. А. Егорова и Г. Лапис. — 2-е изд. СПб.: Академия Исследования Культуры, 2022. — 504 с.; ил.

Уроженец Милана, доктор медицины Август Боцци Гранвилл (1783–1872) эмигрировал из родной страны, чтобы избежать мобилизации в армию Наполеона. Работал врачом в Греции, Турции, Испании и Португалии, затем вступил в английский военный флот и отбыл в Западную Индию, где выучил английский язык и женился на англичанке. Позже переехал в Лондон, где продолжил медицинскую практику. Успешно лечил графиню Пемброк, дочь графа С. Воронцова. В 1827 году вместе с братом графини М. С. Воронцовым и его женой Е. Воронцовой совершил путешествие в Россию, с октября по декабрь 1827 года жил в Санкт-Петербурге в доме Воронцовых на Малой Морской. Благодаря покровительству графа Гранвилл познакомился со многими представителями тогдашнего высшего общества столицы Российской империи, был принят императором Николаем I, встречался с вдовствующей императрицей Марией Федоровной. По Михайловскому замку его водил архитектор К. Росси, в Эрмитаже он посетил мастерскую художника-англичанина Д. Доу, создателя портретной Галереи 1812 года, по стройке Исаакиевского собора ходил в компании Монферрана и П. Николаи, владельца парка Монрепо. Он посетил петербургские и загородные императорские дворцы, музеи, учебные заведения, правительственные учреждения, казенные заводы и фабрики, театры, светские собрания. В Академии наук продемонстрировал привезенную им египетскую мумию, был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Его интересовали судебные учреждения и поддержание правопорядка, почта и паспортная система, снабжение столицы продовольствием и розничные цены на главнейшие продукты. Он подробно охарактеризовал придворную жизнь, правительственные учреждения, состояние российской науки, культуры, промышленности, торговли, медицины, городской быт. Он увидел Петербург с башни Адмиралтейства и счел, что столица России — один из самых величественных городов в Европе. Город поразил его размерами, большим числом общественных зданий, смелостью архитектурного стиля «и почти полным отсутствием темных и жалких дворов и проулков, местожительства низших классов, которые постоянно стоят перед взором путешественника посреди величавых и грандиозных зданий других городов». Гранвилл отдал должное великолепию города, возведенного среди скучного ландшафта, разнообразие которого придает прелесть другим столицам: «...не более чем за 100 лет трудолюбие и руки людей преодолели все эти сложности и принесли плоды, для достижения которых в других частях Европы потребовались столетия». Гранвилл делится своими личными впечатлениями от прогулок по городу. Оценивает скорость течения, глубину, ясный голубой цвет Невы, так отличающие ее от мутных рек, пересекающих главные города Европы. Отмечает красоту набережных и нерешенность проблемы с мостами через Неву, построить которые мешают скорость течения и весенний ледоход с Ладоги. Его поражает состояние тротуаров: «...полиция следит, чтобы каждый домовладелец содержал часть тротуара, прилежащую к его дому, свободной от грязи, снега и других препятствий для ходьбы... немаловажным по значению является то преимущество, что к вам не липнут всевозможные нищие, от назойливого приставания которых вы так страдаете как дома, так и за рубежом». Он отмечает значительную высо-

ту первых этажей обычных для Санкт-Петербурга двухэтажных построек — сегодня эти этажи стали полуподвальными помещениями. Свои наблюдения он подкрепляет статистическими данными и сведениями из книг того времени о Петербурге, официальными документами, высказываниями собеседников. Гранвилл хотел, чтобы его книга была полезна иностранцам, в первую очередь англичанам, приезжающим в Санкт-Петербург, и приводит подробные фактические сведения о самых разных сторонах жизни Санкт-Петербурга и России. Например, указывает, что Санкт-Петербург — один из немногих континентальных городов, под улицами которого проложены общественные канализационные трубы; что переезды из города в город и почтовые отправления в России дешевле, чем в Англии, но английские экипажи лучше русских. Предупреждает о вороватости лакеев, в створе с владельцами магазинов завышающих цены на товары, за которыми их послали, и тут же сообщает, что среди махинаторов не было русских, несколько человек были французы, но чаще поляки и евреи. Этот «Дневник...» — один из самых интересных и самых обстоятельных записок иностранцев о России времен правления императора Николая I. Особенность книги — отсутствие русофобии, столь ярко проявившейся в широко известном (в отличие от «Дневника» Гранвилла) сочинении де Кюстина «Россия в 1839 году». Гранвилл развенчивает ряд бытовавших мифов о России. Например, о тотальной полицейской слежке. Он утверждает, что писал и говорил, что хотел, никто его не притеснял и не ограничивал. Не обходит он вниманием и укорененные в европейском общественном мнении символы русского самодержавия: кнут и рабство. Указав на хорошо известную ему практику жестоких наказаний кнутом в английском флоте и рабов в Вест-Индии, он пишет, что во время его пребывания в Петербурге публичных наказаний кнутом не происходило. Что касается рабства, он приводит свой разговор с председателем Госсовета графом В. Кочубеем, который более или менее убедительно доказывал, что крестьяне в России питаются лучше и больше, чем крестьяне в Европе или неквалифицированные рабочие в Англии. Считая себя недостаточно компетентным, чтобы рассуждать о русском характере, он отмечает характерную черту русских, что проявилась во время французской агрессии и отсутствует у прочих континентальных наций. «Она заключается в безоговорочном и предельном патриотизме, который не идет ни на какие компромиссы». «Дневник» Гранвилла неоднократно публиковался в Лондоне в первой трети XIX века. На русский язык переведен впервые со второго лондонского издания, снабжен предисловием и научным комментарием, иллюстрациями. По словам научного редактора Д. Раскина, «даже с учетом наших нынешних знаний о Российской империи в период апогея крепостничества этот дневник позволяет по-новому взглянуть на николаевскую Россию, в которой непредвзятому иностранцу было чем восхищаться, а россиянам — было чем гордиться».

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)